

Содержание

С. Фомичев
Литературная судьба Грибоедова

7

КОМЕДИИ. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

Горе от ума	43
Молодые супруги	157
Студент	197
Своя семья, или Замужняя невеста	305
Притворная неверность	321
Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом	367

СТИХОТВОРЕНИЯ

От Аполлона	421
Лубочный театр	421
Кальянчи	423
Восток	426
Юность вещего	428
Давид	429
“Крылами порхая, стрелами звеня...”	430
Романс	430
Эпиграммы	
“И сочиняют – врут, и переводят – врут!..”	431
“Как расположатся журнальные побранки!..”	431
Отрывок из Гете	432
Телешовой	437
Хищники на Чегеме	438

“По духу времени и вкусу...”	441
А. О<доевскому>	441
<Освобожденный>	441
Домовой	443
Прости, Отечество!	443
Душа	444

СТАТЬИ

Письмо из Бреста Литовского к издателю <“Вестника Европы”>	447
О кавалерийских резервах	454
О разборе вольного перевода бюргеровой баллады “Ленора”	459
Письмо к издателю <“Сына Отечества”> из Тифлиса	472
<Заметка по поводу комедии “Горе от ума”>	476
Частные случаи Петербургского наводнения	477
Характер моего дяди	481
Загородная поездка	482

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Моздок–Тифлис. <13–22 октября 1818>	489
Тифлис–Тегеран. <29 января – 9 марта 1819>	494
Тегеран–Султанея. <8–28 июля 1819>	517
Рассказ Вагина. 10 июля <1819>	520
Миана–Тавриз–Гаргары. <17 августа – 7 сентября 1819>	521
Ананурский карантин. 29-го ноября <1819>	526
Тифлис–Тавриз. <10 января – февраль 1820>	527
Отдельные заметки	529
Крым. <24 июня – 12 июля 1825>	530
Эриванский поход. <12 мая – 1 июля 1827>	545

Комментарии

Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах — везде одно ли
Присуждено? — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!

А. С. Грибоедов, Юность вещиго

1

В памяти последующих поколений Грибоедов остался автором одного произведения. Столь необычная, редкая, хотя повторяющаяся время от времени, писательская судьба всегда связана с выдающимся, из ряда вон выходящим, дотоле невиданным успехом “единственного” произведения.

Комедию “Горе от ума” воскресили к жизни нетерпеливые читатели. Не дождавшись ее публикации, подобно трудолюбивым древнерусским книжникам, они вновь и вновь переписывали для себя и своих друзей строки-откровения в заветные тетради. Надо ли говорить о том, что текст рукописный, в котором каждая буква — твоя, читается иначе, нежели размноженный “типографским снарядом”. Да и позже такая тетрадь читается особо — пусть это не автограф, но автор — вот он, где-то рядом... Не с его ли рукописи был переписан некогда этот текст?

Нам, то ли избалованным, то ли раздраженным “книжным бумом”, кажутся ничтожными обычные тиражи книг в эпоху, которая уже в ту пору была названа пушкинской. Необходимо немалое волевое усилие, чтобы представить, поверить, что новые произведения самого Пушкина расходились подчас лишь в сотнях экземпляров. А “Горе от ума” переписывалось тысячи и тысячи раз.

И этот процесс неустанного чтения-сотворчества не был остановлен появлением — после гибели писателя — первых изданий комедии. Читатель желал иметь текст, не искаленный цензурными купорами. Замечателен в этом отношении один из списков “Горя от ума”, хранящийся ныне в Пушкинском Доме, выполненный в малом формате и со следующей резолюцией на обороте титульного листа: “Печатать позволяет с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный комитет узаконенное число экземпляров. С.-Петербург, 14 декабря 1838 года. Цензор А. Фрейганг”. Однако здесь же помечено: “помощник его А. Грибоедов”, и действительно, скопированное из второго издания комедии цензурное разрешение помещено с явной издевкой: текст в списке лишен цензурных изъятий. Выводя своей рукой день цензурного разрешения, почувствовал ли неведомый нам книжник “странное сближение дат”? Ровно 13 лет назад (чертова дюжина!) произошло восстание декабристов. Наиболее проникательные читатели это сближение наверняка оценили. А. И. Герцену к этому времени было 26 лет, позже он скажет о Грибоедове и его пьесе: “У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли. Образ Чацкого, меланхолический, ушедший в свою иронию, трепещущий от негодования и полный мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади; это — декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которую он не увидит”¹.

Конечно, не каждый читатель грибоедовской комедии был так проникателен. Но можно ли сомневаться в том, что, переписывая пылкие тирады Чацкого, почти всякий ощущал себя подобным ему? Так, на титуле одного из списков помечено: “Из библиотеки артиллерии поручика Александра Сергеевича Чацкого” (точную владельческую надпись мы находим, впрочем, на последней странице того же списка, принадлежавшего, оказывается, некоему А. Чуносову)². Характерен в этом отношении и часто встречающийся в списках эпиграф к комедии:

1 Герцен А. И. Сочинения в девяти томах, т. 8. М., 1958, с. 386.

2 Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Рукописный отдел, № 136796-86.

Судьба, проказница-шалунья,
 Определила так сама:
 Всем глупым счастье от безумья,
 Всем умным — горе от ума.

По происхождению это четверостишие имеет довольно далекое отношение к Грибоедову, являясь перифразой куплета (Вяземского) из оперы-водевиля Грибоедова и Вяземского “Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом”¹. Однако помещенный в списке эпиграф по-своему типизировал (через самого читателя) судьбу грибоедовского героя: “Всем умным — горе от ума”.

Это личное, особо доверительное отношение к комедии нескольких поколений не иссякло и после прекращения массовой рукописной традиции “Горя от ума”, вышедшего в свет в полном виде через год после реформы об отмене крепостного права. Произведение Грибоедова было не только литературным, но и сценическим; оно стало самым репертуарным спектаклем русского театра. И не смолкавшие на протяжении всей второй половины XIX века споры о том, в каких костюмах надлежит играть грибоедовских героев — современных или исторически достоверных, — только на первый взгляд могут показаться курьезами старой критики. За этим спором чувствуется та же пристрастность русской публики в восприятии “Горя от ума” — заветную пьесу никак не хотели отдавать прошедшей эпохе, спор Чацкого с фамусовщиной осознавался живым и неисчерпанным. Недаром в своем великолепном критическом этюде “Миллион терзаний” (1872) И.А. Гончаров предостерегал: “Некоторые критики возлагают на обязанность артистов исполнять и историческую верность лиц, с колоритом времени во всех деталях, даже до костюмов... Но при исполнении “Горя от ума” дело не в костюмах. Мы повторяем, что в игре вообще нельзя претендовать на историческую верность, так как живой след почти пропал, а историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибегать к творчеству, к созданию идеалов по степени своего понимания эпохи и произведения Грибоедова. Это первое, то есть главное сценическое условие”².

1 См. с. 405 наст. изд.

2 Гончаров И.А. Собрание сочинений, т. 8. М., 1955, с. 35.

Было бы странным, если бы такая пьеса, как “Горе от ума”, встречалась только с восторгом. Нет, реальные Фамусовы и Молчалины были возмущены. Чего, например, стоит отзыв о “Горе от ума” Д. П. Рунича, члена пресловутого Ученого комитета, затронутого в комедии: “Это не комедия, ибо в ней нет ни плана, ни завязки, ни развязки... Это просто поговорка в действии, в которой воскрешен Фигаро, но, как копия, далек от оригинала... В самой пьесе нет другой цели, чтобы сделать презрительным не порок, а возбудить презрение к одному только классу общества... Ему хотелось высказать свои философско-политические понятия, а о прочем он не думал”¹. С другой стороны, слишком личное, массовое, бытовое, не лишённое веянья моды восприятие комедии подчас снижало ее политическую остроту. Это особенно заметно в многочисленных стилизаторских перелицовках “Горя от ума”. В подвалах русской литературы накопилось огромное количество “переделок” грибоедовской пьесы — прежде всего комедий и комедийных сцен в вольных стихах, стилизованных под грибоедовские. Герой их, обычно неслужащий дворянин, изливался в пылких филиппиках, но был начисто лишен политического свободомыслия и исповедовал либо тощие моральные прописи, либо прямо обскурантистские взгляды. “Грибоедовские котурны” лишь обнаруживали мелочность этих “пророков”, выступающих — в противовес авторским замыслам — в окарикатуренном виде. Литература в данном случае своеобразно сближалась с жизнью, наглядно демонстрируя либеральное опошление идей дворянской революционности. Однако на протяжении XIX века сатирическое содержание “Горя от ума” не теряло своей злободневности. Его не только переписывали, не только постоянно цитировали, но образным его масштабом мерили иные исторические времена. Герои Грибоедова впоследствии свободно перешагивали порог фамусовского особняка и продолжали жить по новым законам, старея с годами (как стареют живые люди) и возрождаясь в новых поколениях, в потомках Фамусовых, Скалозубов, Молчалина, Репе-

1 Письмо Д. П. Рунича к П. И. Сумарокову от 23 января 1832 г. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, ф. 263, оп. 1, № 592.) Не полностью опубликовано в “Русской старине” (1892, октябрь, с. 216–217).

тилова. Были сатиры Курочкина, в которых поэт на лбах пореформенных “деятелей” обнаруживал клеймо грибоедовских героев. Были “Господа Молчалины” Салтыкова-Щедрина, полемически воссоздававшего возможную эволюцию этих типов в условиях иной исторической эпохи. В начале XX века особо близкой русским поэтам оказалась лирико-трагическая тема “Горя от ума”. Блок почувствовал в нем скрытый драматизм судьбы, необратимость рокового исхода — и вместе с тем гениальные прозрения, постоянную неуспокоенность и искания новых путей в искусстве¹.

Такова была судьба “главной книги” Грибоедова. Вполне естественно, что остальные его произведения — и те, которые некогда шли на сцене, и те, что были опубликованы при его жизни и позже, и те, о которых дошли лишь глухие воспоминания современников, — казались несоразмерными с великой комедией. Крайним выражением литературоведческого недоумения в этом смысле можно считать “мысль” петербургского профессора И. А. Шляпкина, который на лекциях в университете (конспект их за 1894–1895 годы сохранился в Пушкинском Доме) предполагал: “Невольно возникает мысль, не принадлежит ли эта пьеса кавказским сослуживцам и только помещена Грибоедовым в обращение”. Печальный парадокс такого “откровения” оттенялся тем, что именно И. А. Шляпкин в 1889 году издал хорошо подготовленное полное собрание сочинений Грибоедова в двух томах, сопровождаемое хронологической канвой писателя и солидной грибоедовской библиографией. Это была, конечно, крайняя точка зрения (не столь уж и оригинальная, в принципе; вспомним, что нечто подобное говорили о Шекспире, да и не только о нем). В литературоведческом же обиходе утвердилась в качестве несомненной истины мысль о “литературном однодумстве” Грибоедова, “Горе от ума” было объявлено в творчестве писателя случайным откровением, не обещанным его заурядными ранними литературными опытами и не развившимся в поздних его замыслах. Так ли это?

1 См.: Долгополов Л. К., Лавров А. В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX — начала XX в. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 126.

А.С. Грибоедов в юности получил редкое по тем временам глубокое, разнообразное и основательное образование — сначала под руководством домашних губернаторов, затем в Благородном пансионе (1803). В 1808 году он закончил словесное отделение Московского университета, получив звание кандидата словесности, и в качестве вольнослушателя, вплоть до войны 1812 года, посещал лекции профессоров этико-политического отделения. Свободно владея основными европейскими языками и зная латынь, Грибоедов с юности приобрел склонность к серьезному чтению. Нередко читал он товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы. Вероятно, о каком-то литературном сообществе свидетельствует записка Грибоедова к И.Д. Щербатову от 1808 года, недаром в ней упоминается московский поэт, много обещавший, но рано умерший, — З.А. Буринский.

От этих литературных занятий до нас, к сожалению, ничего не дошло. Вернее, почти ничего — кроме содержания написанной в 1809 году пьесы: “Он написал в стихах пародию на трагедию “Дмитрий Донской”, под названием “Дмитрий Дрянской”, по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу аудитории, в которой и русские и немецкий профессора хотели иметь кафедру. — Начинается так же, как и в трагедии, советом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом так же кстати, как в трагедии явилась в стан княжна Ксения, пришла в университет Аксиния и т. п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый номер своего журнала, и немцы все заснули”¹.

Таково первое из известных нам произведений Грибоедова, которое требует пристального анализа, позволяющего понять реальную и литературно-пародийную направленность пьесы. Нельзя не отметить в этой связи, что с подобных пародий, перелицовывающих высокие сюжеты, начинали и другие русские поэты его поколения. Десятилетний А. Пушкин тогда же, пародируя “Генриаду” Вольтера, “написал целую героикомиче-

1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 24.

скую поэму, песнях в шести, под названием “Toliade”, в которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карлицами”¹. Что порождало подобные опыты? Вероятно, прежде всего отталкивание от классицистических высоких образцов, пока еще интуитивное, но в высшей степени перспективное и упрочившееся в дальнейшей литературной практике. Существенно и то, что юность поэтов грибоедовского поколения совпадала с периодом наполеоновских войн, которые в 1807 году вылились в позорный для России Тильзитский мир, породивший широкое общественное недовольство. Не так ли возникла возможность трактовки военной темы — как пародийной? Поставленная на сцене в начале 1807 года трагедия В. А. Озерова “Димитрий Донской” была восторженно принята зрителями, воспринимавшими патриотические тирады героев как живой отклик на события войны с французами. Но наступило тильзитское отрезвление, и вместе с ним возрастало критическое отношение к озеровской пьесе. В лекциях университетского профессора А. Ф. Мерзлякова подвергались критике исторические несообразности пьесы, сентиментально-элегические мотивы, столь противоречащие высокой героике сюжета, сами стихи, которые прямо объявлялись “дрянными” (не отсюда ли заглавие грибоедовской комедии?). Недаром почти одновременно с Грибоедовым пародию на трагедию Озерова написал другой университетский воспитанник, П. Н. Семенов, под названием “Митюха Валдайский” (1808), — в комедии драматизировался и соотносился с сюжетными перипетиями озеровской пьесы рассказ ямщика из третьей песни ироикомиической поэмы В. И. Майкова “Елисей, или Раздраженный Вахс” о побоище зимгорцев с валдаками. Судя по сохранившемуся пересказу, ранняя комедия Грибоедова также была сориентирована на популярный литературный образец, на шутотрагедию И. А. Крылова “Трумф”, широко распространенную в ту пору в списках: концовка комедии Грибоедова прямо соотнесена с финалом первого действия крыловской пьесы, кончающегося всеобщим храпом.

1 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 47.

Любопытна и реальная основа “Дмитрия Дрянского”: как выясняется, здесь были осмеяны интриги магистра философии М. Т. Каченовского против профессора И. Т. Буле, приглашенного в 1804 году в Московский университет из Геттенгена. Буле был серьезным ученым и человеком независимых взглядов, что вызвало доносы попечителя Московского университетского округа П. И. Голенищева-Кутузова, который считал, что “государство должно быть очищено от моровой язвы лжеучения безбожных профессоров, коих не протежировать, а высылать за границу должно, и все университеты для спокойствия отечества от таких явных плевел очистить”¹. М. Т. Каченовский же, напротив, пользовался покровительством попечителя и при его протекции в конечном счете вытеснил Буле с занимаемой им кафедрой.

Грибоедов высоко почитал Буле. Вместе с братьями Чаадаевыми в 1808 году он слушал его private лекции по истории философии. Позже, во время заключения на гауптвахте Главного штаба, Грибоедов вспоминал о книге “Сравнительная история системы философии”, подаренной профессором в университетские годы. Трудно судить, конечно, о литературных достоинствах не дошедшей до нас комедии Грибоедова, но по своей направленности она, во всяком случае, не была пустячком, свидетельствовала о перспективной литературной позиции начинающего автора и, пожалуй, о его оппозиционных взглядах.

Можно не сомневаться, что и эстетические воззрения передовой московской профессуры Грибоедовым усваивались глубоко и творчески. С. Н. Бегичев, подружившийся с драматургом в 1813 году, свидетельствовал: “...при первом знакомстве нашем вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы... Из иностранной литературы я знал только французскую и в творениях Корнеля, Расина и Мольера видел верх совершенства. Но Грибоедов, отдавая полную справедливость их великим талантам, повторял мне: “Да зачем же они вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств? И не дали воли своему воображению расхотиться по широкому

1 См.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880, т. 2, с. 362; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. Ш., 1892, с. 159–162.

полю". Он первый познакомил меня с "Фаустом" Гете и тогда уже знал наизусть Шиллера, Гете и Шекспира"¹.

Случайна ли явственная перекличка суждений Грибоедова с университетским курсом профессора П. А. Сохацкого, внушавшего своим слушателям: "Корнель хорошо знал древних, но подражал им слишком раболепно. Наблюдение трех единств поставял он за величайшее достоинство трагедии и приучил французов всем жертвовать сей правильности и отвергать величайшие красоты, когда токмо они несходны с оными своенравными правилами... Шекспировы образцовые творения научают нас лучше, нежели оставшиеся в сем роде памятники древних, какое действие должна производить трагедия в наше время, при нынешних образах правления и при нынешнем просвещении и нравах"².

Большим почитателем Шекспира был и Буле, считавший, что английский драматург был "великим знатоком и удачным живописцем человеческого сердца", отмечавший его "отважный полет мысли", "глубокую чувствительность", "богатство воображения", "оригинальность ума и веселость нрава"³.

Нет, вовсе не неожиданно впоследствии Грибоедов выступит инициатором перевода на русский язык драмы Шиллера "Семела", прямо обратится к гетевскому "Фаусту", будет восхищаться красотами шекспировских "Ромео и Джульетты" и "Бури", а в трагедийных своих замыслах стремиться вслед за Шекспиром "разгуляться по широкому полю воображения". Об этом следует специально напомнить, ибо, забывая о московском периоде творчества Грибоедова, до сих пор некоторые авторы статей и книг об авторе "Горя от ума" не перестают удивляться, как мог перейти драматург от опытов камерной "легкой комедии" к широкому полотну "Горя от ума".

И еще один пример, свидетельствующий, насколько основательно и глубоко были усвоены Грибоедовым почерпнутые в университете знания, В качестве вольнослушателя он посещал лекции по естественному праву университетского профессора

1 А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 26.

2 Главное начертание теории и история изящных наук Майнерса. Переведено с немецкого П. Сохацким. М., 1803, с. 47, 97.

3 Московские ученые новости, 1805, № 4, с. 32.

Шлецера-сына. “Источником сего первобытного общественного образования народов, — внушал профессор, — почитаю неограниченное чувство свободы, избыток телесных и духовных сил, которые, в свою очередь, им поддержаны, усилены, возвышены... — в пример дикий обитатель Северной Америки, которого нравственное мужество и гордый дух возвышается мыслию, что он выходит на бой наряду с друзьями, действующими в виду равных, имеет врагов, непримиримых в ненависти и мщении, что слава его неотъемлема, что никакое неправосудие не похитит у него награды и не спасет от посрамления, что он будет судим без пристрастия и пощады; чувство собственного достоинства дает ему неограниченную гордость и силу, а мысль, что вместе с ним и сограждане его воспламенены единым духом, единою волею, усиливает в нем любовь к отечеству...”¹ Строки эти могут служить превосходным комментарием к произведениям Грибоедова середины 1820-х годов: к драматической сцене “Серчак и Игляр”, к стихотворению “Хищники на Чегеме”.

Поэтические занятия юного Грибоедова отнюдь не поощрялись в семье. Матушка его, Настасья Федоровна Грибоедова, крутая и властная, ожидала для него служебных успехов и с презрением отзывалась о сочинительстве. Возможно, какие-то из ранних произведений Грибоедова были поэтому опубликованы анонимно и, может быть, не вполне потеряны для нас. С. Н. Бегичев писал впоследствии о своем друге: “...на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия”². Можно ли сомневаться в том, что, осознав это, Грибоедов стремился увидеть свои стихи в печати в ту пору, когда авторское самолюбие столь велико и нетерпеливо?

3

Между тем наступил 1812 год. С началом военных действий Грибоедов вступает добровольцем в Московский гусарский полк. В бое-

1 Ш л е ц е р. Взгляд на прошедшее, настоящее и будущее. — Вестник Европы, 1808, ч. 37, февраль, № 3, с. 245—246; см. возражение на эту статью в “Русском вестнике”, 1808, ч. 1, март, с. 398—407.

2 А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 24.

вых кампаниях ему участвовать не довелось. Неукомплектованный полк из Москвы был отправлен маршем в Казань, на марше Грибоедов серьезно заболел. В самом конце 1813-го он оказался в Брест-Литовске на службе в Кавалерийских резервах. Оттуда было послано в “Вестник Европы” “Письмо издателю”, впервые открывшее русскому читателю новое литературное имя: Грибоедов.

Статья посвящена описанию праздника в честь награждения начальника Кавалерийских резервов высоким орденом. Стихи, перебивающие здесь прозу, были написаны, по-видимому, второпях, “на случай”, но они по-своему декларативны, выражают мироощущение Грибоедова в те годы:

Философы в ученом заточенье,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, братский круг...
От книг пойдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

С детства приверженный к серьезным занятиям, не с самим ли собой спорит автор? Конечно, здесь многое идет от позы, от упоения гусарством, от молодецкой отваги “пашынка здравого рассудка”, по самохарактеристике Грибоедова. Но нельзя не заметить и другого: упоения радостями жизни, поэтизации ее простых, естественных проявлений, эпикуреизма, порыва к дружескому общению — все эти мотивы обладали в русской литературе в послевоенную пору. Это было проявлением особого стиля в искусстве, стиля рококо, до сих пор еще не получившего “прав гражданства” в научных работах, что существенно обедняет наши представления об историко-литературном процессе в России первых десятилетий XIX века. Наиболее полно рокайльный стиль воплотился в поэзии Батюшкова, но редкий писатель того времени не прошел через школу легкой поэзии, артистически преображающей быт,

ценящей счастья миг. А. С. Пушкин в одной из поздних своих статей, процитировав изящное стихотворение Вольтера “на случай”, замечал: “Признаемся в *goscoco* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией”¹.

В беглом пушкинском замечании для нас ценно его живое ощущение стиля рококо, столь близкого ему по собственным юношеским стихам.

В том же стиле написана комедия Грибоедова “Молодые супруги”, которой он дебютировал на петербургской сцене в конце 1815 года.

Это было переделкой пьесы Крезе де Лессера “Семейный секрет” (1807), хотя и французский драматург, в свою очередь, был не вполне оригинален и в предисловии к своей пьесе указывал: “Сюжет этой комедии, взятый из старого сборника “Развлечения ума и сердца”, появился впервые в 1758 году под названием “Новая школа жен”. Муаси, автор этой пьесы, которую играли итальянские комедианты, имел шумный успех и показал в ней приятный талант”². Успех Муаси объяснялся тем, что в своей пьесе он продолжил линию французской “чувствительной” комедии, выступившей против сословных предрассудков в вопросах брака³. Изображение нравственного влияния любящей женщины, прославление семейных устоев, противопоставленных развращающему влиянию света, — все это было первыми проблесками отражения в литературе “третьесословных идей”, среди которых не последнее место занимала поэтизация семейного очага. Появившаяся во времена Империи переделка де Лессера существенно меняла акценты произведения. Содержание его становится более фривольным, но вместе с тем, в духе характерного для того времени ханжества, писатель

1 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 7. Л., 1978, с. 284–285.
2 Grez é de Less er. Secret du ménage. Paris, 1809, p. 5.

3 См.: Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М., 1895, с. 440.